

Woman in Russian Society
2020. No. 3. P. 142—155
DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.12

Женщина в российском обществе
2020. № 3. С. 142—155
ББК 60.542.21
DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.12

ИНВАЛИДНОСТЬ В ФОКУСЕ УРБАНФЕМИНИЗМА

Э. К. Наберушкина

Московский государственный гуманитарно-экономический университет,
г. Москва, Россия, ellana777@mail.ru

Используется фокус урбанфеминизма как нового интердисциплинарного исследовательского поля, которое возникло для поощрения учета гендерных аспектов в политике развития городов. Мы исходим из того, что стигма женщины с инвалидностью не равна стигме женщины и стигме инвалида. Это пограничная зона, параллельное гражданство, которое, реализуясь в условиях большого города, приобретает особые черты уникальности. Исследование позволило сделать ряд выводов: выявленные проблемы и психологические фрустрации девушек с инвалидностью не являются сугубо личными, они укоренены как в сфере стереотипов и стигм, так и в моделях гендерного порядка общества; помощь горожан людям с инвалидностью встроена в работающие матрицы представлений о фемининности и маскулинности; фигура женщины с инвалидностью вызывает поведение и эмоции, связанные с социокультурными кодами межполовых отношений; страхи женщин относительно своей телесности в городе зависят от трех характеристик пространства — неподнадзорности, недоступности, наполненности людьми с негативной идентичностью.

Ключевые слова: урбанфеминизм, гендер, инвалидность, городское пространство.

DISABILITY IN THE FOCUS OF URBAN FEMINISM

E. K. Naberushkina

Moscow State University of Humanities and Economics,
Moscow, Russian Federation, ellana777@mail.ru

The research focus of the article is defined by three scientific categories — gender, urbanism, disability. The issues of ensuring the sustainable development of the city and its territories are considered: satisfying the needs and rights to space for various groups of people, creating such a friendly and open environment that responds promptly to these requirements and, if necessary, easily changes, reshapes or adapts to new conditions and functions. The paper uses the focus of urban feminism as a new interdisciplinary research field that has emerged to encourage the integration of gender perspectives in urban development policies. We proceed from the fact that the stigma of a woman with a disability is not equal to the stigma of a woman and the stigma of a disabled person. This is a border zone, parallel citizenship, which, implemented in a large city, acquires special features of uniqueness. The analysis undertaken in this

---

© Наберушкина Э. К., 2020

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-011-00290 «Урбанистическое благополучие инвалидности».

work is based on three main points: life in urban conditions provides women with disabilities with many advantages, but it also involves a whole range of problems that a big city creates; what cognitive skills develop among residents depends on what the surrounding world is created in the urban system; the daily experience of women with disabilities opens up a parallel city. Interviewing 20 women with visible signs of disability made it possible to draw a number of conclusions: the identified problems and psychological frustrations of girls with disabilities are not purely personal, they are rooted both in the field of stereotypes and stigma, and in models of the gender order of society; assistance for citizens with disabilities is built into the working matrix of ideas about femininity and masculinity; the figure of a woman with a disability evokes behavior and emotions associated with sociocultural codes of inter-sexual relations, but more often the urban space is produced in the discourse and emotions of sympathy and the provision of feasible assistance that is differently constructed in the upper and lower social layers; in the field of female disability, two dichotomous images of foreign ethnic men are recorded in the city (the first — “they are a source of danger”, the second — “they are more tolerant of women with disabilities”); all the fears of women regarding their physicality in the city are associated with three characteristics of space — supervision, accessibility, and the fullness of space by diverse groups. In the context of urban acquaintances, girls with disabilities typologize men oriented to: 1) neutral friendly communication; 2) for a serious relationship in connection with the feeling of the severity of his own life and the desire to find a frivolous woman who understands the cost of partnership; 3) those who deny any opportunity to interact with women with disabilities due to internal fears, stereotypes, and self-awareness of their own status. Women with disabilities, more often than men, face gross violations of their personal space due to unwillingness to engage in interactions, which are often presented under the guise of assistance.

Key words: urban feminism, gender, disability, urban space.

Введение

Исследовательский фокус данной работы определен такими научными категориями, как гендер, урбанизм, инвалидность. Каждая из них сегодня из исключительно научных объектов анализа превратилась в категорию политических и акционистских практик, нашла выражение в публикациях в социальных сетях и СМИ. Гендерное исследование имеет глубину, когда оно контекстуально. В данном случае идет речь о гендерном контексте инвалидности в большом городе. Это тематика, которую невозможно исследовать статистически, она уникальна. Социально ориентированный подход к планированию пространств или конкретных мест города базируется на учете специфики разных групп горожан (гендерная, возрастная, культурная, социальная, локальная и др.), создании возможностей развития человеческого потенциала — вместо некоего абстрактного равенства. Целью такого подхода является обеспечение устойчивого развития города и его территорий: удовлетворение потребностей и прав на пространство для различных групп людей, создание такой дружелюбной и открытой среды, которая оперативно реагирует на эти требования и, при необходимости, легко меняется, перепрофилируется или приспосабливается к новым условиям и функциям. Однако пространственная реальность наших городов далека и от постановки, и от реализации таких задач, которые сегодня принято считать основными принципами инклюзивного дизайна. Это касается как муниципальных органов, ответственных за разработку планировочных стратегий, так и архитектурных школ.

Основные определения и постановка задачи

М. Фуко и А. Лефевр, изучавшие взаимовлияние поведения и окружающей среды, подтвердили, что архитектура отражает и усиливает социальные нормы и модели поведения [Фуко, 1999; Lefebvre, 1991]. А. Лефевр пришел к выводу, что физические пространства и их дизайн играют роль в конструировании идентичности и идей самосознания индивида. Феминистические исследования города были представлены, в частности, работами Д. Хейден [Hayden, 2005], которая исследовала влияние пола на городское пространство и утверждала, что при изучении архитектуры и урбанизма необходимо учитывать концепции бытовой жизни женщин. Э. Уилсон предложила создать основу для социальной политики, которая учитывает женские аспекты жизни в городах и позитивную роль городского опыта женщин [Уилсон, 2012]. Если гендерно-чувствительные исследования города представлены западными феминистками, а изучение инвалидности в гендерной плоскости успешно развивается не только западными, но и российскими учеными [Ярская-Смирнова, Романов, 2011], то урбанфеминистический фокус анализа проблематики инвалидности задается впервые. Растущее внимание к интерсекциональности является позитивной тенденцией, которая потенциально отражает сложные пересечения между полом и другими социальными различиями в исследуемых контекстах. Межсекторный подход в последнее время привел к значительному прорыву в исследованиях города, инвалидности, гендерологии, что вызвало ряд теоретических дискуссий о том, как можно, например, понимать инвалидность в сочетании с другими категориями. Один из способов уловить и понять сложную связь между половой принадлежностью и другими социальными различиями в таких обществах, как российское, — применить теоретические рамки урбанфеминизма.

Урбанфеминизм — это относительно новое интердисциплинарное исследовательское поле, которое возникло для поощрения учета гендерных аспектов в политике, проектах и программах по устойчивому развитию городов. Мы исходим из того, что стигма женщины с инвалидностью не равна стигме женщины и стигме инвалида. Это пограничная зона, параллельное гражданство, которое, реализуясь в условиях большого города, приобретает особые черты уникальности. Уникальность изучения социального неравенства, возникающего в связи с обозначенными тремя категориями, подчеркнута спецификой российских реалий, т. к. страна имеет историю стремительной постсоветской социальной политики, выстраиваемой на совершенно новых идеологических принципах. Российская модель социального развития и социальной политики претерпела фундаментальные изменения с начала 1990-х гг. с введением нового типа государственного управления и новыми идеологическими императивами. Пока неясно, привели ли эти изменения к новому неравенству, или преимущественно сохранились его старые формы. Хотя мы знаем, что неравенство связано с полом, состоянием здоровья и местом проживания, однако способы управления и конструирования стратегических социально-политических решений, как правило, игнорируют сложности пересечения статусных ролей и стратифицирующих контекстов. Ныне существующая политика городского управления и развития, социальная политика инвалидности и гендерная политика придерживаются «нейтрального» подхода. В первом случае важен не столько горожанин,

сколько город; во втором случае социальная политика фиксирует статус инвалидности, а не человека; официальная же гендерная политика имеет перекося в сторону защиты материнства и детства, а громкие акционистские проекты носят характер преимущественно радикального феминизма. В публичных дискурсах и практиках, связанных с вопросами социального гражданства, неравенства и социальных опасностей, в основном используются чрезмерно обобщенные представления о группах риска, городском образе жизни и стигматизации. В результате создаются новые формы неравенства и факторы неблагоприятного положения.

В данной работе предпринята попытка теоретизировать пограничную зону инвалидности, гендера и урбанизма. В межкатегориальном анализе открываются те аспекты проблемы, которые зачастую остаются невидимыми. Заявленная нами проблематика исследования позволяет осветить коллективную историю неравенства по признаку инвалидности в условиях мегаполиса, устраняя дискурс «по gender» в отношении людей с инвалидностью.

Анализ базируется на трех основных положениях:

— жизнь в городских условиях предоставляет женщинам с инвалидностью много преимуществ, но она также сопряжена с целым спектром проблем, которые порождает большой город;

— от того, какой окружающий мир создан в городской системе, зависит, какие когнитивные навыки развиваются у жителей;

— повседневный опыт женщин с инвалидностью открывает параллельный город.

Методы исследования

Обозначенные положения раскрываются и базируются на эмпирических результатах, полученных с помощью методологии интервьюирования и когнитивного картографирования. В марте — апреле 2019 г. было собрано 20 интервью с молодыми женщинами, имеющими видимые признаки инвалидности. Из 20 девушек 18 имеют нарушение опорно-двигательного аппарата (9 из них используют инвалидное кресло), 2 девушки имеют врожденные анатомические аномалии рук и ног. Опрос проводился среди студенток московского инклюзивного вуза, возраст информанток от 20 до 25 лет, все проживают в г. Москва, более половины из них приехали в столицу из малых и средних российских городов. Круг вопросов гайда интервью охватывает мировоззрение о статусе женщины с инвалидностью, тематику ориентации в пространстве города, опыт дискриминации и нетерпимости, вопросы доверия к городским пространствам и сервисам, восприятие городских рисков и опасностей для женщин с инвалидностью, опыт определенных негативных ситуаций, связанных с переживанием своей женственности и инвалидности, а также направлен на сбор информации иного характера, если информантка была заинтересована в откровенном рассказе. Мы проанализировали позиции пола, характера инвалидности, связывая их с конкретными местами и ситуациями, свойственными городской жизни. Ряд вопросов касался помощи и поддержки со стороны горожан, а также переживаний дискриминации, тревожности (по поводу посещения тех или иных мест в городе и столкновения с теми или иными типами городских жителей). В нашем распоряжении оказался опыт из первых рук. В данном исследовании услышаны те голоса,

которые раньше не были слышны, потому что ситуацию женской инвалидности либо автоматически включали в общую проблематику инвалидности, либо эти проблемы не замечались и считались индивидуальными, а не социальными.

Результаты исследования

Начнем обсуждение с вопроса о том, что значит быть женщиной с инвалидностью в большом городе, и рассмотрим конкретные примеры и высказывания молодых девушек с инвалидностью. Это практически опыт невидимых групп, которые в среде инвалидов не видны как женщины, а в гендерном поле зачастую не воспринимаются как женщины.

Парни, которые остро реагируют на инвалидность, ко мне не подходят, а подкапывают, если реагируют на гендер. Если я раньше знакомилась по Интернету, я говорила сразу, что у меня инвалидность. Не говорить нечестно, надо предупредить.

Мужчины больше обращают внимание на то, что ты инвалид, а не женщина. В метро бывают случаи — суют деньги (500—1000 руб.) на здоровье, лечиться, и это сопровождается жалостливыми словами такими. Неприятно это. Хочется чувствовать себя равным, женщиной.

Забывают ли женщины в повседневной городской жизни о своей инвалидности, или приходится помнить об этом постоянно? Выяснилось, что ощущение характеристик места способно сильно на это влиять. Многие говорили, что остро ощущают свою инвалидность в основном в местах неприспособленных, недоступных, многолюдных или, напротив, малоллюдных, где возникает ощущение опасности или дискомфорта, связанного с пристальным вниманием прохожих.

Я обычно нигде не вспоминаю о своей особой внешности... только в общественном транспорте, там все на тебя смотрят.

Забываю об инвалидности, когда гуляю и общаюсь со своими здоровыми друзьями в Москве. Я единственная там на коляске, но они воспринимают меня как обычную.

Это было только однажды, на отдыхе, летом. Я купалась в море, как здоровый человек, помощи не просила, поскольку там были специальные механизмы, которые помогают людям, передвигающимся в инвалидных колясках, а также пожилым отдыхающим самостоятельно, без посторонней помощи, войти в воду (в Греции). Я думала о том, что я колясочница, но сейчас нет никаких преград для меня. Это приспособление впечатлило меня, мне не надо было просить, чтобы меня достали, я могла все сама, я захотела — вышла, захотела — опять пошла в море.

Забываю об инвалидности только дома, в университете или, может быть, в некоторых общественных организациях, а в остальное время приходится прикладывать усилия и помнить о своей инвалидности. Ну, может быть, еще музеи и театры, там люди поспокойнее, нет таких, кто бы бегал, прыгал, и меньше детей, которые могут как-то по-особому на тебя реагировать.

Помню о своей инвалидности, когда напоминают: при посещении бассейна мне сказали, чтобы я приходила в определенный промежуток времени из-за того, что я могу испортить имидж бассейна в глазах других людей.

Итак, основными факторами, обостряющими ощущение собственной нетипичности, являются страхи, вызванные недоступностью места и наполненностью места людьми, которые или соьбют с ног (дети, толпа), или будут пристально рассматривать и отпускать какие-либо высказывания.

Девушки с инвалидностью: опыт городских знакомств

Не менее насыщенным полем проявления отношения к инвалидности в урбанфеминистическом фокусе является опыт городских знакомств. Формируя социальное пространство столичного мегаполиса на основе личного опыта женщин с инвалидностью, мы увидели типы восприятия мужчинами девушек с инвалидностью в контексте романтических паттернов.

***Флирт.** Была ситуация, когда я стояла на автобусной остановке, а мужчина стоял и улыбался, потом он подошел и спросил, одна ли я и можно ли мне помочь. Он меня проводил и взял номер телефона. Позвонил и потом приехал. Он сказал, что работает в какой-то компании вкусной кухни и пообещал привезти <их продукцию>, потом приехал и привез покушать. Я очень удивилась. Он, видимо, думал, что я живу отдельно. А я — в общежитии, и он, конечно же, пропал.*

***Свидание.** Однажды я на сайте познакомилась, он с цветами приехал, но у него сразу появился вопрос, буду ли я ходить. Я сразу галочкой отметила себе в голове, что он меня не воспринимает такую. Ему было интересно со мной пообщаться, я потом поняла, что у него были какие-то свои иллюзии, он посмотрел фильм «Лед», там девушка сломала позвоночник.*

Истории показательны в плане наличия неких субъективных барьеров для дальнейшего продолжения общения при отсутствии страха и каких-либо дистанций по отношению к женщинам с инвалидностью. Наши информантки говорили о нескольких типах мужского поведения в ситуации знакомства с девушками-инвалидами. Есть такой тип мужчин, которые готовы общаться и заводить отношения, у них нет барьера. Как правило, это мужчины среднего и старшего возраста с собственной нелегкой жизненной историей, «побитые жизнью».

Есть категория — побитые жизнью, они более зрелые, старше, которые ни на что не посмотрят, но их сложно найти.

Другие — это молодые парни, скорее маркирующие девушку как подругу и не комплексующие по поводу ее инвалидности.

Юноши сейчас (молодое поколение) спокойно реагируют на коляску, ну так, второстепенно. Они открыты к общению, это, думаю, заслуга Интернета, так как люди стали охотнее и больше общаться с разными людьми.

Есть мужчины с какими-то своими представлениями, они начинают спрашивать, надолго ли я в коляске, встану ли. Я всегда соглашаюсь... да, конечно.

Встречаются мужчины, абсолютно неготовые взаимодействовать с женщинами с инвалидностью в силу внутренних страхов, стереотипов, самоощущения собственного статуса и пр.

Я летела в самолете обыкновенно, как все, купив билет; рядом сидел мужчина, он был представительно одет, и по нему было видно, что он статусный такой, он летел

с семьей. Когда меня посадили рядом с ним, он заерзал и зафырчал, потом он начал мне говорить, что он мне помогать не будет, хотя я не просила ни о чем, а молча села и начала заниматься своими делами. Он, видимо, копил в себе что-то минут 10, потом позвал стюардессу и начал спрашивать, почему меня тут посадили. Заявил, что меня надо от него пересадить, аргументируя это тем, что мне будет неудобно. Видимо, он считает, что инвалид настолько немогущий... и его это пугает.

Среди инвалидов есть мужчины, которые сознательно категорически отказываются заводить с девушкой-инвалидом романтические отношения.

Мой друг мне сказал: понимаешь, мне один врач сказал, что два инвалида — это перебор, ты мне нравишься, но... нет. Потом он нашел женщину без инвалидности и женился на ней, хотя особо ей и не симпатизировал.

В следующую категорию попадают все опасные типы (пьяные, чрезмерно навязчивые, странные мужчины).

Часто подходят всякие мужчины в нетрезвом состоянии. На улице в большинстве случаев в нетрезвом состоянии подкатывают, я сейчас поняла, что лучшая тактика с ними молчать, и я иногда делаю вид, что не понимаю русский язык.

Со стороны мужчин домогательства бывают. Мы ездили на концерт, а потом, когда возвращались из центра Москвы, попросили парня прохожего сложить коляски в машину, а он положил свои пакеты на сиденье и начал разговаривать; он показался мне странным, я боялась, что он не выйдет из моей машины.

Описанные проблемы и психологические фрустрации информанток не являются сугубо личными, поскольку они укоренены как в сфере стереотипов и стигм, так и в моделях гендерного порядка общества. Культурные коды патриархата стремились переформатировать сторонницы радикального крыла феминистского движения, однако сохранившиеся установки о женской не столько субъектности, сколько объектности делают молодых женщин с инвалидностью более уязвимыми в условиях города.

Помощь горожан в гендерном фокусе

Хотя мы и не обнаружили существенных различий в восприятии степени безбарьерности городской среды и зафиксировали гендерные позиции мужчин и женщин в этом вопросе близкими друг другу, все же различия фиксируются в части ответа на вопрос о том, кому легче попросить о помощи и передвигаться в городе. Помощь горожан встроена в работающие матрицы представлений о феминности и маскулинности.

Женщины с инвалидностью чаще сталкиваются с грубыми нарушениями личного пространства, которые нередко подаются под видом помощи, за отказом принимать которую следует агрессия. Наши информантки говорили о том, что просьба женщины о помощи воспринимается нормально, так как ложится на социокультурный гендерный контекст о слабом поле. Мужчины, на их взгляд, испытывают больший дискомфорт, когда вынуждены просить прохожих об услуге, и поэтому, если физическая сила позволяет, предпочитают во что бы то ни стало самостоятельно преодолеть инфраструктурные барьеры.

Женщины стараются не подавать вида, что они инвалиды, а скорее просят о помощи с позиции слабой женщины, а мужчина, мне кажется, чувствует себя менее полноценным.

Девочкам помогают больше и как-то относятся более понимающе, а к мужчинам грубее, и, мне кажется, им труднее.

Сейчас большинство реагирует нормально. Девушек с инвалидностью лучше воспринимают, так как априори девушка ассоциируется с опекой и защитой, а тут еще один повод. К девушкам мягче, чем к парням, относятся.

Хотя все наши информантки отмечали, что в последние годы существенно улучшилось отношение горожан к инвалидам, особенно в мегаполисах, люди стали вести себя более дружелюбно и корректно, однако случаи нелепых перекосов под метафорическим названием «причинить добро» встречаются.

Была в автобусе женщина, которая подняла девушку с места для инвалидов и просто меня тянула к этому месту, чтобы я села. И мне было обидно, что никто неступился и не возмутился, что она, против моей воли, фактически применяя физическую силу, тащила меня. Если я человек с инвалидностью, то мне тоже надо предоставить выбор (хочу я сесть или нет), а в большинстве случаев тебе выбора не дают, они сами решают, что мне нужна помощь.

Как показало исследование, женщины на инвалидных креслах, передвигающиеся по городу на собственном автомобиле, часто не чувствуют себя в безопасности на парковках. Если исследования среди горожанок-автомобилисток без инвалидности фиксируют наличие проблем в связи с безлюдностью парковок (особенно если речь идет о подземных или многоярусных стоянках), то женщины с инвалидностью в случае передвижения без сопровождающего должны искать такую парковку, где есть вероятность попросить кого-то о помощи, например достать инвалидное кресло из багажника. Такие просьбы воспринимаются в большинстве случаев позитивно и адекватно, однако порой мужчины, оказавшие помощь, начинают проявлять излишнюю навязчивость, что вызывает чувство тревоги у женщин с инвалидностью. Бывают случаи вербальной или физической агрессии.

Пьяные начинают доставать, начинают спрашивать, где живешь, как зовут. Я просто отхожу от них, либо прошу кого-то, чтобы меня от этого человека оградил, а так трезвые мужчины в основном не подходят.

Я боюсь вокзалов и там, где много лиц иной национальности, и в темное время суток страшно. Был случай, когда прохожий у меня выхватил сумку из рук и убежал.

В урбанфеминистическом контексте по-новому видится производство пространства инвалидности, мужчины и женщины с инвалидностью и без приносят смыслы в то или иное пространство в связи с той или иной ситуацией. Мы имеем дело в таком случае не с городскими территориями, а с воплощенным пространством, когда пространство производится через телесность и эмоциональную составляющую. Так, фигура женщины с инвалидностью вызывает поведение и эмоции, связанные с социокультурными кодами межполовых отношений, но чаще городское пространство производится в дискурсе и эмоциях сочувствия и оказания посильной помощи. К тому же помощь по-разному

конструируется в высших и низших социальных слоях. Наши информантки часто вспоминали ситуации проявления так называемой бестактной доброты.

Такую бестактность проявляют некоторые, но по ним видно. Если грубо делить людей, то можно сказать, что есть работяги, малообразованные, и это по их внешнему виду можно определить, у них часто бестактность такая добрая. Они говорят: «Ой, бедненькая!» или что-то типа такого. Когда они так себе позволяют говорить, мне их жалко становится.

На Красной площади меня спрашивали несколько раз, что случилось и где я потеряла руки. Это любопытство, и, наверное, из-за того, что они с этим не встречались никогда. Я обычно отвечаю правду, что это врожденное, и все удивляются, как таким можно родиться, и они теряют интерес... Они, конечно, и помочь хотят, и как-то для себя картину в голове нарисовать. Но человек, который хочет помочь, никогда ведь не спрашивает о том, что с тобой случилось.

Если говорить про коренных москвичей, то они настолько готовы помочь, они очень хорошие. У меня есть много знакомых, и по отношению ко мне они все одинаковы. А жители города, из которого я приехала, чаще не понимают, что с этим делать, и проявляют бестактность... за тебя что-то пытаются сделать. В Москве не будут тебя дергать, они скажут, что помогут, только если ты сам не сможешь, и они спросят, как лучше помочь. Я думаю, это и образование сказывается, и все зависит от того, чего человек достиг в жизни, а в моем родном городе больше работяг, я считаю, от статуса зависит.

Московский этнический контекст в фокусе гендера и инвалидности

М. С. Фиш, анализируя ценности мусульман в сравнительной перспективе, пришел к выводу, что единственным их значимым отличием от ценностей исповедующих другие религии и атеистов являются гендерные установки [Fish, 2002]. А. Александер и К. Вельцель [Alexander, Welzel, 2011], используя многоуровневое моделирование, показали, что принадлежность к исламской культуре и религии является стабильным предиктором патриархатности. Однако повышение уровня образования и выход на рынок труда значительно понижают эффект этого фактора, особенно у женщин. Был сделан вывод о том, что большая религиозность оказывает влияние на патриархальность аттитюдов. Другие исследователи считают, что для этих различий есть институциональные причины. Характерный для большинства мусульманских стран патриархатный уклон некоторые ученые объясняют с экономической точки зрения. М. Росс утверждает, что в связи с чрезвычайным богатством стран Персидского залива большинство мужчин и женщин там не нуждаются в выходе на рынок труда, поэтому происходит стагнация образовательной системы, замедление развития институтов гражданского общества, занимающихся вопросами борьбы за эмансипацию [Ross, 2008: 114]. Многие феминистки также заявляют, что патриархатность в исламе связана не с культурными, а с институциональными особенностями развития. В. Могадам пишет, что ислам не более и не менее патриархатен, чем любая другая религия [Moghadam, 2002: 1147]. В ряде работ она доказывает, что представление о женщинах в исламе как об угнетенных и не имеющих никаких прав устарело, этот дискурс связан с колониальным сознанием и не учитывает

последних изменений, которые привели к значительным структурным трансформациям, например большему представительству женщин в парламентах.

Женщины с инвалидностью, зачастую попадая в ситуации двойной дискриминации (по признаку инвалидности и по признаку пола), в гетерогенной городской среде сталкиваются с практиками взаимодействия с иноэтничными мужчинами. В поле женской инвалидности фиксируется два дихотомических образа иноэтнических мужчин в городе. Первый — «они источник опасности», второй — «они более толерантны по отношению к женщинам с инвалидностью».

В первом случае скопление мужчин нерусской национальности воспринимается как сигнал опасности и угроза быть втянутой в нежелательные разговоры и контакты.

Я боюсь мест, где много лиц кавказской национальности, там много бездомных и людей, которые косятся, и ты не знаешь, что от них ждать, в темное время суток особенно страшно.

Ко мне часто подходят нерусские мужчины, например киргизы, они ассоциируют меня со своей национальностью и начинают разговаривать на своем языке. Или принимают за мусульманку. <...> Я им начинаю объяснять, что я не их веры и национальности. Когда к тебе подходит молодой человек, который тебе в принципе неприятен и ты не заинтересована в разговоре с ним, то это неприятно.

Второй дискурс иноэтничности в большом городе содержит эмоциональную составляющую большей терпимости, готовности помочь и щедрости.

Везде мне помогают, но если в метро поток людей, то там сложно просить помощи из-за того, что все спешат, не обращают внимания. Чаще мужчины помогают, и чаще мужчины с Кавказа. Однажды подбежали человека три, подняли коляску, помогли и пожелали удачи потом.

Когда я была в Казани возле мечети, мне дали 5 тысяч; я приехала попутешествовать... мне это было смешно, я ничего не просила.

Когда вызываешь такси, то в основном, если русские водители, у них очень странное боязливое отношение, иногда просто грубы бывают. В Москве таксист приехал и спросил: вы что коляску с собой берете, она же грязная, испачкает машину, вызывайте другую машину. Было неприятно. А если нерусские, они на самом деле с уважением, они готовы помочь, заботятся о безопасности, иногда делают скидки на проезд.

Городские страхи

Анализируя эмоциональную составляющую рассуждений женщин с инвалидностью о городе, мы пришли к выводу, что все страхи относительно своей телесности в городе сопряжены с тремя характеристиками пространства — неподнадзорностью, недоступностью, наполненностью разнородными группами. Доступность пространства позволяет чувствовать себя самостоятельной и в безопасности, и наоборот.

Был случай, страшный: я переходила дорогу, там была зебра, я поставила палочку через бордюр, машина остановилась, а ногу я поднять не могу, чтобы переступить. На другой стороне улицы стояла женщина, я уже, чуть не плача, кричу, и эта женщина перешла дорогу и помогла мне. Я мало где бываю из-за страха. Я однажды зимой в позе звездочки разлеглась и встать не могу, и лежала, пока мне не помогли подняться.

Я эскалатора боюсь и возле дороги. Был случай, когда меня водитель оставил возле дороги... А там огромный поток машин, очень было страшно. Он меня оставил и поехал, я стояла и ждала. Потом какой-то мужчина взял меня под руку и довел до тротуара. А еще в ТЦ я при большом количестве народу свалилась с эскалатора; в метро страшно из-за того, что толпа сносит, а ты на коляске и... неизвестно, рядом будет нормальный человек или пьяный.

В поднадзорных пространствах там, где есть видеорекамеры, сотрудники полиции, иные служащие и достаточно, но не чрезмерно людно, женщины с инвалидностью чувствуют себя в безопасности. Напротив, спальные районы и глухие места города их не привлекают.

Скопление больших групп тех или иных людей способно вызывать страхи и опасения у девушек с инвалидностью, эти страхи связаны не только с маргинальными группами, но и, например, с детьми.

Не хожу туда, где много детей, они более неосторожны и вообще более непредсказуемы. От детей меня всегда держали подальше, я не ходила в детский сад, а в школе носилась все на переменах, а я сидела в классе. Было обидно, что они дразнятся или смотрят, некоторые дети меня передразнивали, например пытались ходить, как я. Это, думаю, родители виноваты, которые не должны просто одергивать, а должны объяснять. Мне обидно, когда дети громко у родителей спрашивают: «А что с ней не так?» Но вот если родители подойдут, я с радостью объясню ребенку. Ребенок должен понимать, а если это от него скрывают или прячут, то ему еще больше интересно. Однажды у меня был шарик, а маленькому мальчику (4 года) шарик понравился, он подошел, и мы с ним общались, а родители были не против, но бывают такие, которые оттаскивают своих детей от меня... одергивают, типа не смотри. Отношение настороженное.

Город-сказка, город-мечта

Мы прибегли к метафорике описания города, исходя из того, что метафора «антропоморфирует» социальную, а иногда даже физическую реальность пространства. Анализируя когнитивную составляющую восприятия городского пространства в плоскости городских метафор и в рамках вопроса о предпочтительном городе для жизни, мы выявили ассоциации наших информанток и сравнили высказывания о Москве и о тех городах, откуда они приехали в столицу учиться.

Москва — город мечты, любимый город. / Тверь — вроде бы люблю свой город, но настолько бывает неприятен (инфраструктура... люди страдают от этого, я приезжаю и вижу контраст... там нет работы, люди спиваются, все вымирает).

Москва — шумный, позитивный, продвинутый <город>. / Элиста — днице.

Москва — движение. / Саранск — тишь, гладь, глушь, болото.

Москва — столица. / Волгоград — родина, периферия.

Москва — красивая, мой город любимый. / Волгоград — серый забор.

Москва — это не мое, не мой город, здесь все чужое, чувствуешь себя букашкой в толпе. / Киров — мне ближе.

Москва — несущийся поезд. / Якутск — мудрость, самая холодная точка земли, но для меня это теплое место, у людей душа нараспашку, они плачут, смеются, обнимаются, есть глубокая теплота. Если люди обещали, то сделают, а в Москве улыбаются, но... меня даже настораживает, если люди слишком хорошо к тебе относятся.

Рассуждения о том, какой город или место для дальнейшей жизни выбрали бы девушки с инвалидностью, дали следующие результаты.

Я бы хотела остаться в Москве, потому что мне тут, в принципе, комфортно...

Это — Москва, так как я в других городах не была, но это не Тверь точно. Может быть, в Европе — там чисто, там люди не грубят.

Я фанатка Италии, но я бы поехала в Австрию, я там была 7 лет назад и влюбилась в эту страну... я была во многих странах, но это единственная страна, где все приспособлено для инвалидов, даже если сравнивать с Италией.

Если не брать за границу, то я бы Москву выбрала, так как здесь сейчас все обстраивается; я недавно попробовала службу обеспечения мобильности — это очень круто.

Хотела бы жить за границей. Италия, Франция, Израиль (там даже нет понятия такого — инвалид).

Москва — медицина здесь лучше, а если за границей, то в теплых краях (Майами); мне главное — где хорошая медицина, мы зависим от здоровья.

Киров — откуда я приехала, но чтобы были возможности для самореализации и путешествий.

Сингапур — он очень инновационный, молодой и доступный; есть знакомые инвалиды, которые туда летали, и я много читала о нем. Все там идет вперед.

Калининград — там есть море, но там с работой, мне кажется, печально; мое место — где обязательно есть большая вода и нет жары. Это, наверное, еще Санкт-Петербург. Вода, дом и работа...

В Европе или в Америке — там воспринимают тебя по-другому. Я не была там, но по рассказам моих знакомых знаю. Есть параолимпийская чемпионка, я читала ее интервью о том, что в России инвалидов очень остро воспринимают, даже дети по-другому воспитаны. Но я, конечно, все же бы осталась бороться, чтобы здесь стало так же.

Выводы

Исследовательский фокус данной работы определен тремя научными категориями — гендером, урбанизмом, инвалидностью; речь идет о гендерном контексте инвалидности в большом городе.

Стигма женской инвалидности приобретает особые черты уникальности в контексте городского образа жизни. Исследование показало, что основными факторами, обостряющими ощущение собственной нетипичности, являются страхи, вызванные такими характеристиками пространства, как недоступность, неподнадзорность, наполненность людьми с негативной идентичностью.

В контексте городских знакомств девушки с инвалидностью типологизируют мужчин, ориентированных: на беззаботное дружеское общение; серьезные отношения в связи с ощущением тяжести собственной жизни и желанием найти не легкомысленную женщину, понимающую цену партнерства; отрицание любой возможности взаимодействовать с женщинами с инвалидностью в силу внутренних страхов, стереотипов, ощущения собственного статуса (как высокого, так и низкого).

Существенных различий в восприятии степени дружелюбности городской среды и горожан женщинами и мужчинами с инвалидностью не обнаружено, имеющиеся различия заключаются в том, что женщина, кодируемая в социокультурном поле как слабый пол, в большей степени располагает горожан к оказанию ей помощи (физической и материальной). Однако женщины с инвалидностью чаще, чем мужчины, сталкиваются с грубыми нарушениями личного пространства из-за нежелания вступать во взаимодействие, которое нередко подается под видом помощи. Автомобилистки из числа девушек с инвалидностью имеют специфические требования к парковкам: помимо безопасности и терпимости к маневрам, парковка должна быть расположена в местах, где возможно обратиться за помощью.

Мегаполис всегда наделен характеристиками гетерогенности, в частности связанной с иноэтничностью. В поле женской инвалидности фиксируется два дихотомических образа иноэтнических мужчин в городе: один маркируется как источник опасности, другой кодирует иноэтнических мужчин как более отзывчивых и щедрых по отношению к женщинам с инвалидностью.

Исходя из того, что в основе любого социологического исследования лежит имплицитный образ изучаемого объекта, была поставлена задача по выявлению метафорических конструкций города в системе различений столичного и периферийного городского пространства. Столичный мегаполис был описан в метафорах высокого урбанизма (точка роста, место для собственного развития, достижений и повышения человеческого потенциала). Провинциальный урбанизм описывался в основном метафорами уязвимых точек (серость, глушь, периферия), но зачастую обозначаемые таким образом города эмоционально окрашивались любовью к родному месту, искренностью и не фальшивостью жителей этих городов. Москва, характеризующаяся метафорами высокого модернизма, уступала топовым стремительно развивающимся азиатским мегаполисам (Сингапур, Шанхай) либо старым европейским городам Италии, Австрии, Франции.

Результатами социологических исследований интересуются журналисты, политические деятели, активисты — люди, принимающие решения и задающие стратегии, например развития городских территорий. Накопленный научный и исследовательский материал по вопросам доступности городской среды для инвалидов вполне может служить целям обеспечения информационной базы для разработки обоснованных и реалистичных планов развития российских городов, удобных для жизни.

Библиографический список

- Уилсон Э. *Облаченные в мечты: мода и современность*. М.: Новое лит. обозрение, 2012. 288 с.
- Фуко М. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М.: Ad Marginem, 1999. 476 с.
- Ярская-Смирнова Е. Р., Романов П. В. Тело и дискриминация: инвалидность, гендер и гражданство в постсоветском кино // *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре*. 2011. № 76. С. 84—91.
- Alexander A. C., Welzel C. Islam and patriarchy: how robust is Muslim support for patriarchal values? // *International Review of Sociology*. 2011. Vol. 21, № 2. P. 249—276.

- Fish M. S.* Islam and authoritarianism // *World Politics*. 2002. Vol. 55, № 1. P. 4—37.
- Hayden D.* Redesigning the American dream: gender, housing, and family life // *Journal of International Women's Studies*. 2005. Vol. 6, № 2. P. 160—162.
- Lefebvre H.* *The Production of Space*. Oxford: Basil Blackwell, 1991. 318 p.
- Moghadam V.* Islamic feminism and its discontents: towards a resolution of the debate // *Journal of Women in Culture and Society*. 2002. Vol. 27, № 4. P. 1135—1171.
- Ross M.* Oil, Islam, and women // *American Political Science Review*. 2008. Vol. 102, № 1. P. 107—123.

References

- Alexander, A. C., Welzel, C. (2011) Islam and patriarchy: how robust is Muslim support for patriarchal values?, *International Review of Sociology*, vol. 21, no. 2, pp. 249—276.
- Fish, M. S. (2002) Islam and authoritarianism, *World Politics*, vol. 55, no. 1, pp. 4—37.
- Fuko, M. (1999) Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tiur'my [Supervise and punish. The birth of a prison], Moscow: Ad Marginem.
- Hayden, D. (2005) Redesigning the American dream: gender, housing, and family life, *Journal of International Women's Studies*, vol. 6, no. 2, pp. 160—162.
- Iarskaia-Smirnova, E. R., Romanov, P. V. (2011) Telo i diskriminatsiia: invalidnost', gender i grazhdanstvo v postsovetском кино [Body and discrimination: disability, gender and citizenship in Post-Soviet cinema], *Neprikosnovennyĭ zapas: Debaty o politike i kul'ture*, no. 76, pp. 84—91.
- Lefebvre, H. (1991) *The Production of Space*, Oxford: Basil Blackwell.
- Moghadam, V. (2002) Islamic feminism and its discontents: Towards a resolution of the debate, *Journal of Women in Culture and Society*, vol. 27, no. 4, pp. 1135—1171.
- Ross, M. (2008) Oil, Islam, and women, *American Political Science Review*, vol. 102, no. 1, pp. 107—123.
- Uilson, E. (2012) Oblachënnye v mecht'y: moda i sovremennost' [Dressed in dreams: fashion and modernity], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Статья поступила 01.02.2020 г.

Информация об авторе / Information about the author

Наберушкина Эльмира Кямаловна — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии и философии, Московский государственный гуманитарно-экономический университет, г. Москва, Россия, ellana777@mail.ru (Dr. Sc. (Sociology), Associate Professor, Professor at the Department of Sociology and Philosophy, Moscow State University of Humanities and Economics, Moscow, Russian Federation).